

Новости из внешнего мира

Нори Киемидзу

Жизнь в монастыре текла, словно широкая и спокойная река, мирно несущая свои воды через зеленеющие долины. Любые перемены эта река воспринимала так же беспечно, как смену времен года, покорно отражая в себе летние грозы, осенние листопады, зимнее ненастье и цветение неброских тибетских трав по весне. Цикл повторялся вновь и вновь, и Нори незаметно для себя влилась в это неспешное течение, находя удовольствие в простом ежедневном труде, уходе за цветами в оранжерее и чтении сочинений, хранившихся в библиотеке храма. Ее жизнь за последние несколько лет практически не изменилась, только стала более размеренной. Каждое утро она отправлялась на разминку, после этого заглядывала в оранжерею проверить, как себя чувствуют теплолюбивые овощи, и отправлялась в столовую. Если был день ее дежурства - приходила пораньше и готовила вместе с учениками храма завтрак. Летом время до обеда она проводила на огороде или чайной плантации, после обеда, если не было никаких особых заданий от мастеров, уходила на несколько часов в библиотеку или отправлялась в старый сад поупражняться в магии земли. Правда чаще она медитировала, чем выполняла активные упражнения. Видимо место было такое.

Размеренный образ жизни привел к тому, что Нори стала еще более неразговорчивой, чем была. С обитателями монастыря общалась только по необходимости. Люди, с которыми ей было приятно проводить время, разъехались, и если раньше друзей у нее было откровенно немного, то теперь и вовсе было сложно встретить в монастыре человека, который знал бы о Нори что-то кроме ее имени. Девушку такое положение вещей не беспокоило, и она не старалась его изменить.

Раз или два в неделю она заходила в чайный домик к мастеру Айро. Они почти не общались, но Нори нравился этот старый человек, поэтому она и приходила. По воскресеньям девушка спускалась в деревню, чтобы купить корма для птиц и зайти к мадам Лян, живущей на центральной улице вместе с сыном и его семьей. Мадам Лян была вдовой лет пятидесяти и в свободное время ухаживала за садом. Любовь к садоводству и стала причиной знакомства Нори с китаянкой. От нее она обычно узнавала новости.

Очередное летнее воскресенье было таким же, как и все остальные, и после обеда Нори зашла к мадам Лян. Однако сегодня перед тем, как попрощаться, китаянка сообщила Нори удивительную новость. Оказывается ее на местной почте уже неделю ожидало письмо, и мадам Лян попросили сообщить об этом. Не идти же почтальону до самого монастыря?

Конечно Киемидзу зашла на почту, где ей вручили немного помятый толстенный конверт. Письмо пришло из Японии, отправителем был Мацумото-сан, ее дядя. Нори не показала виду, что удивлена, поблагодарила и отправилась обратно в монастырь. Но обратную дорогу она преодолела автоматически, не контролируя, куда идет. Только оказавшись в своей комнате и положив конверт на столик, девушка поняла, что произошло. Это письмо сдвинуло что-то в ее размеренной спокойной жизни, лишенной потрясений и каких-либо существенных новостей.

Словно в старинном механизме, что шел год за годом, не сбиваясь, что-то вдруг щелкнуло, чего не случалось раньше. И это лишало покоя, в который Киемидзу успела погрузиться, живя в монастыре. В голове начали возникать предположения, одно хуже другого, перебирать вероятности было невыносимо, и девушка, выдохнув, вскрыла конверт и принялась читать.

Нори Киемидзу

В конверте было несколько листов, исписанных мелкими иероглифами. Некоторые из них были похожи на раздавленных букашек, но что уж поделаться, такой у дяди был почерк. Помимо листов в конверт были вложены несколько купюр большого номинала и две фотографии. Деньги были новенькие, гладкие и казались чем-то чужеродным в ее комнате. Их Нори отложила на край стола и взяла фотографии. На одной были младших сестры Нори - Юми и Сумико. Они были в каком-то парке, стояли перед клумбой с гортензиями и Юми держала на руках маленького ребенка с огромными щеками. Нори несколько минут смотрела на фотографию, цвета казались неестественно яркими, особенно сине-фиолетовая гортензия на заднем плане и зеленая блуза Сумико. Впервые за несколько лет Киемидзу держала в руках подобную вещицу, напомнившую, что живет она в двадцатом веке, где развита фотопечать. Долго рассматривала улыбающихся сестер, лица которых уже успели немного стереться из ее памяти. Затем она взяла вторую фотографию, и губы невольно растянулись в грустной улыбке. Мацумото, которого она называла дядей, был другом ее покойного отца и воспитывал Нори несколько лет до того, как она перебралась в Линь Ян Шо. На фотографии он стоял рядом с цветущей сливой в домашних темно-синих хакама, его лицо практически не изменилось, только стало еще более морщинистым, а выражение глаз осталось добрым, как и запомнилось Нори. Слива на фотографии росла рядом с домом Мацумото, за прошедшее время она сильно разрослась.

Нори еще раз взглянула на дядю и сморщилась, чувствуя, что еще чуть-чуть и она начнет плакать. Лучше было поскорее приняться за письмо.

Нори Киемидзу

В самом начале письма дядя сообщил, что с ним и сестрами все в порядке. Это было важнее всего, потому что Нори уже начала придумывать один за другим ужасы, которые могли с ними произойти. Дядя все так же торговал в лавке рыбой, Сумико стала гейшей и была очень довольна своим занятием, а Юми вышла замуж и родила сына. Именно он был запечатлен на фотографии, ребенок с огромными щеками. Все это произошло чуть больше года тому назад.

- *Надо же, я уже тетя,* - рассеянно подумала Нори. Сформулировать это было проще, чем представить. Юми была младше ее на пять лет и до сегодняшнего момента сестра все еще представлялась Нори малышкой, девочкой, которая напросилась вместе с Сумико в школу для гейш.

Дальше дядя переходил к самому главному.

"Я решил написать тебе, так как в связи с последними событиями смею полагать, что опасность, висевшая над семьей Киемидзу столько лет, исчезла. После того, как ты уехала, вас стали искать, как я и предполагал. Твои сестры сменили имена, когда их приняли в общину на обучение, и люди господина Миуры не смогли выяснить, кто они. Ко мне за все это время приходили дважды, Миура был уверен, что вы

скрываетесь у друзей твоего отца. Но так как ты уехала, а я не оставил ничего из ваших личных вещей, подтвердить им это не удалось. Тем не менее они смогли выяснить, что я покупал билет на самолет до Лхасы, в один конец. Было много вопросов, но, кажется, в Китай за тобой никто не полетел, чему я до бесконечности рад.

Думаю, ты не читаешь газет, хотя я не уверен, что информация о финансовых проблемах компании Brothers публиковалась в китайских газетах. Как ты помнишь, семья Миура основала эту компанию, а Масаши Миура долгое время возглавлял совет директоров. В апреле этого года компания обанкротилась, как пишут в газетах, из-за неумелого руководства и ошибок брата Миуры, а в начале мая сам Масаши Миура был найден мертвым в гостинице у горячих источников в Нагано. В газетах пишут, что это самоубийство, но я думаю, он кому-то задолжал. А через несколько дней погиб его брат, застрелился в офисе компании и оставил предсмертную записку, где винит себя в банкротстве. Ничего необычного, хотя в прессе это происшествие обсуждали долго. Кроме брата у Миуры родственников не было, и я думаю, что история с семьей Киемидзу больше никого не интересует".

Нори Киемидзу

Нори опустила письмо, закинула голову назад и пожевала нижнюю губу. Значит это было в апреле, а она ничего не знала, так как не читала никаких газет, даже тех, что продавали в Лхасе. Пожалуй, начнись война, она и об этом узнала бы только когда военные действия дошли бы непосредственно до Тибета. А тут какая-то компания обанкротилась.

Девушка поднялась, оставив письмо на столике, зажгла горелку и поставила чайничек, чтобы вскипятить воду. В голове внезапно стало пусто, словно сознание отказывалось принимать полученную информацию и устроило молчаливый бойкот. Масаши Миура мертв и его брат - тоже. Это нужно было проверить, по крайней мере из газет. А затем...

- *Приду к нему на могилу,* - подумала Нори, сидя напротив чайника и гипнотизируя горелку, - *Если конечно его не кремировали.*

По крайней мере так она могла точно, как ей казалось, проверить, что ей больше бояться нечего. Она не испытывала радости от этого известия, только в сердце поселилась уверенность, что так оно и должно было случиться. Когда она только приехала в Линь Ян Шо, она была еще девчонкой и лелеяла мечту отомстить Миуре. Правда ее мечты разбивались о жестокую реальность и это заставляло ее впадать в отчаяние. Кто она по сравнению с Масаши Миурой? Девочка, учившаяся танцам, без семьи и без денег. Из такой сложно вырастить хладнокровного убийцу всего за несколько лет. Она была слишком вспыльчивой и самоуверенной в те годы, в ней говорил гнев. А сейчас для него уже нет причин.

Нори Киемидзу

Нори заварила чай, подождала несколько минут, затем налила себе немного в чашку и продолжила читать.

Дядя сообщал, что кровных наследников у семьи Миура не было, и приглашал Нори приехать хотя бы ненадолго.

"Я понимаю, - писал он, - *Что ты уже много лет живешь в другой стране и, возможно,*

в твоей жизни появились люди, которые теперь тебе ближе, чем я. Но я должен увидеть тебя и убедиться, что с тобой все хорошо. Прошу тебя написать ответ как можно скорее".

Нори посмотрела на дату отправки письма и выдавила усмешку. С учетом того, что конверт пролежал на почте неделю, дожидаясь ее, дядя уже наверняка начал волноваться. Так что чем быстрее она напишет ответ, тем меньше неприятных минут доставит Мацумото.

Также в конце письма дядя сообщал, что обратился с заявлением о восстановлении фамилии Киемидзу и возвращении им, по возможности, имущества, принадлежавшего их родителям. Нори и ее младшие сестры официально считались без вести пропавшими и управление недвижимостью и другим имуществом перешло государству. Но когда они установят кровное родство, возможно будет вступить в наследство. По крайней мере так убеждал дядю его знакомый юрист, взявшийся помочь с этим делом.

- Видимо еще и поэтому он так торопит меня с ответом, - решила Нори, пряча письмо и фотографии обратно в конверт. Можно было съездить в Лхасу, зайти там интернет-кафе и найти по крайней мере Юми. Или позвонить в справочную и по адресу и фамилии узнать домашний телефон. Но Нори не хотела торопиться, она не была готова собрать вещи и уехать из монастыря завтра утром. По крайней мере ей нужно было предупредить кого-нибудь из мастеров и мысленно примириться с поездкой в Японию. Поэтому девушка достала из тумбочки пергамент, тушь и кисточку и стала неумело набрасывать письмо. Оно получилось коротким, но все остальное она расскажет при встрече. А отправит его завтра, зайдет на почту перед тем, как поехать в Лхасу и посмотреть расписание самолетов. Надо же с чего-то начать, чтобы привыкнуть к мысли, что она вновь отправится в путешествие. Да у нее и одежды обычной не осталось, в основном монастырская форма, так что придется что-нибудь себе купить. Посланные дядей деньги оказались как нельзя кстати, личных сбережений Нори вряд ли хватило, чтобы оплатить все необходимое. *- Масаши Миура мертв,* - произнесла она вслух, словно пробуя на вкус слова. Этот человек был жестоким и властолюбивым, и судьба распорядилась так, что его род прервался. А это значит, что Нори ждала не зря.
